

РАТУШНЯК Олег Валерьевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
oleg_ratushnyak@mail.ru

Oleg V. RATUSHNYAK
Kuban State University
Krasnodar, Russia
oleg_ratushnyak@mail.ru

КАЗАЧЬЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В 1945–1960-х гг.

THE COSSACK EMIGRE IN 1945 – 1960

В настоящей статье исследуется проблема формирования и развития казачьего зарубежья после Второй мировой войны. Казачье зарубежье рассматривается как составная часть российской эмиграции. Большинство причин, по которым часть казачества предпочла остаться за рубежом, носило преимущественно объективный характер. При этом редко когда можно было выделить только одну причину нежелания возвращаться. Изменился состав казачьего зарубежья: оно пополнилось бывшими советскими гражданами, и в то же время часть бывших белоэмигрантов были выданы в СССР. Казаки, находившиеся как в лагерях для перемещенных лиц, так и в целом в Европе и Китае, старались выехать в государства, располагавшиеся за пределами евразийского континента. Наиболее привлекательными в этом плане были США, Канада, Австралия и государства Южной Америки. Отчасти принятию решения о переселении способствовала и иммиграционная политика того или иного государства. Большая часть российских и казачьих объединений, организаций и обществ после Второй мировой войны носила преимущественно социально-культурный характер. Между представителями первой и второй волн эмиграции наблюдались социально-политические и психологические противоречия. Они порой также стимулировали внутри эмиграции недоверие, противостояние, а зачастую и открытую вражду и борьбу. Наряду с этим казачья эмиграция испытывала и влияние факторов, которые, напротив, способствовали сближению представителей первой и второй волны эмиграции. Являясь составной частью российского зарубежья, казачество после Второй мировой войны прошло тот же путь, что и другие российские эмигранты, но с определенными особенностями, обусловленными различными факторами как объективного, так и субъективного происхождения.

This article deals with the problem of formation and development of the Cossack émigré after World War II. The Cossack émigré is being examined as integral part of the Russian emigre. Most reasons which resulted that some part of the Cossacks to stay abroad were of an objective nature. However it is rarely possible to pick out the only reason of reluctance of return. The structure of the Cossack emigre had changed. It was increased with former Soviet citizens and at the same time some part of former white émigré was delivered to the USSR. Cossacks who were situated both in camps for displaced persons and generally in Europe and China tried to leave for countries placed outside the Eurasian continent. In this respect the most attractive were the USA, Canada, Australia and states of the South America. In some degree decision of migration was caused by the immigration policy of some states. After World War II the most part of Russian and Cossack associations, organizations and communities had mainly socio-cultural nature. There were socio-political and psychological contradictions between the members of the first and the second emigration waves. Sometimes they encouraged mistrust, opposition and in many cases open enmity and struggle inside the emigre. At once the Cossack emigre was affected by factors which by contrast contributed to rapprochement of the members of two emigration waves. Being an integral part of the Russian emigre the Cossacks after World War II went down the same road as the other Russian emigrants but having some special aspects caused by different factors of both objective and subjective origins.

Ключевые слова: казачество, иммиграция, эмиграция, казачье зарубежье, казаки-эмигранты, российское зарубежье, российская эмиграция.

Keywords: the Cossacks, immigration, emigration, Cossack emigration, Cossack-emigrants, Russian emigre, Russian emigration

Казачья эмиграция уже давно является предметом исследования как российских [1], так и зарубежных исследователей [2]. При всем многообразии проблем затронутых в научных публикациях по истории казачьего зарубежья практически все исследования ведутся в хронологических границах от 1920 до 1945 г. Это касается в том числе и работ, претендующих на комплексное освещение истории казачьего зарубежья [3, 4, 5]. Казачество и после окончания Второй мировой войны продолжало оставаться одной из составных частей Российского Зарубежья, при этом претендуя на определенную самостоятельность. Все это позволяет рассматривать зарубежное казачество как своеобразный социально-исторический феномен. Вместе с тем послевоенный период стал качественно новым этапом в существовании казаков-эмигрантов, которому до настоящего времени практически не уделено внимания исследователей, за редким исключением [6].

Целью настоящей статьи является анализ основных аспектов жизни и деятельности представителей российского казачества за рубежом на протяжении 1945–1960-х гг. в контексте процессов, протекавших в целом в российском зарубежье.

Окончание Второй мировой войны привело к новому этапу в жизни российского, в том числе и казачьего, зарубежья. В первую очередь изменился его состав. Так, в ходе Второй мировой войны за пределами родины оказались сотни тысяч российских граждан, часть из которых, в том числе и жители казачьих регионов, впоследствии отказались от возвращения на родину.

Причины, по которым казаки оказались за рубежом, были различны. Часть из них были вывезены вместе с другими гражданами оккупированных территорий СССР. Чаще всего подоб-

ного рода высылки носили принудительный характер. Некоторые казаки оказались за пределами родины в результате плена. При этом одни содержались в концентрационных лагерях Третьего Рейха, другие согласились сотрудничать с германскими властями и служить в специально созданных воинских частях. Значительное количество казаков добровольно ушли на Запад вместе с отступающими германскими частями [7].

Численность оказавшихся на Западе бывших советских граждан, составивших очередную волну российской эмиграции, колеблется в пределах 450–530 тыс. человек [8, с. 60; 9, с. 111].

Причины стремления такого значительного количества людей избежать возвращения в СССР были различны и порой субъективны. Среди причин, имевших под собой определенную объективную почву, выделим несколько основных. Прежде всего, на родину не желали возвращаться те, кто опасался последующих по возвращении репрессий со стороны советских властей. Это были в первую очередь лица, сотрудничавшие в годы войны с германскими властями на оккупированных территориях, и лица, воевавшие на стороне Третьего Рейха. И, хотя характер данного сотрудничества был различным – от участия в полицейских карательных экспедициях до вынужденной работы в годы германской оккупации на полях и предприятиях, но и те, и другие имели основания опасаться репрессий со стороны советских органов власти. В СССР были и откровенные противники советского режима еще со времен гражданской войны. Некоторые из них все это время жили на нелегальном или полулегальном положении и, конечно же, не преминули воспользоваться возможностью покинуть страну победившего большевизма. При этом многие из них были активными помощниками германских оккупационных властей. Часть казаков, фактически смирившись с победой советской власти, уходили на запад, увлекаемые потоком ее активных противников и, как следствие, в дальнейшем также имели все основания опасаться репрессий. Были нежелающие возвращаться в СССР и среди тех, кто был вывезен насильственно и особенно – добровольно на работы в Третий Рейх. Часть из них также опасались возможных репрессий, а часть предпочли остаться на Западе в силу экономических причин. Последние либо были в браке с иностранными гражданами, либо рассчитывали, что смогут устроиться в более комфортных материальных условиях, чем в разоренной войной СССР. В то же время процент последних был крайне низок. Многие причины имели под собой равное основание. Так, например, отдельные советские эмигранты, предпочитавшие остаться на Западе в силу экономических причин, рассчитывая на получение некоторых преференций, выдавали себя за убежденных и последовательных врагов коммунизма и СССР. При этом порой особых причин недовольства советской властью у них могло и не быть. Хотя, конечно, среди казаков, особенно юго-восточных регионов европейской части России, таковых почти не было. Практически подавляющая часть казачества в той или иной степени в силу политики, проводившейся советской властью в отношении казачества, имела причины для недовольства советской властью и неприятия ее как таковой.

Таким образом, за желанием избежать возвращения на родину стояли преимущественно объективные причины. Все эти причины были характерны в целом для советских граждан, в том числе и казаков, оказавшихся за границей. Редко когда можно было выделить только одну причину нежелания возвращаться. Чаще всего причин было несколько, и они порой были взаимосвязаны между собой. Но даже в этой взаимосвязи акценты были расставлены по-разному и часто были сугубо индивидуальны.

К сожалению, установить численность казаков, оказавшихся за рубежом в результате данных процессов, не представляется возможным. Главная причина этого заключается в том, что в советских документах ни среди попавших в плен, ни среди тех, кто был вывезен в Третий Рейх на работы, казаки как отдельная этническая группа не выделялись. Немецкие источники позволяют определить только численный состав тех, кто согласился служить в казачьих частях. Однако среди данных лиц были не только казаки и даже не всегда жители из казачьих регионов. Зачастую представители других этносов и регионов СССР, чтобы спасти себя от неминуемой гибели в концентрационных лагерях для военнопленных, выдавали себя за представителей казачества, с тем чтобы быть записанными в казачьи части и вырваться из лагерей. К тому же и эти данные были весьма условны. Некоторые казаки и не казаки, записанные во вспомогательные отряды германской армии, впоследствии бежали из них. Однако точной статистики подобного рода побегов также не имеется, за исключением различных сведений о том, что такие случаи имели место.

Более точные сведения о численности казаков и жителей казачьих регионов имеются относительно тех, кто отступал на запад вместе с частями германской армии. Эти сведения содержатся как в немецких документах, так и в эмигрантских источниках. Хотя и в данных сведе-

ниях есть некоторые расхождения, чаще всего связанные со стремлением завысить численность казачьих групп и отрядов. Кроме того, во время продвижения на запад Казачьего Стана к нему порой примыкали красноармейцы, которые находились на данной территории, видимо, еще со времени отступления Красной Армии [10, с. 139]. Они боялись как немцев, так и возможности оказаться в руках НКВД. Видимо это и приводило к тому, что они предпочитали примкнуть к Казачьему Стану. Кроме того, значительное количество казаков, с целью остаться на Западе, часто выдавали себя за украинцев (особенно это хорошо удавалось кубанским казакам из числа так называемых черноморцев), представителей других государств и народов, а также представителей первой волны эмиграции.

При анализе побудительных мотивов к эмиграции казачьего населения СССР четко выделяются следующие особенности. Во-первых, среди казаков практически не было тех, кто остался за границей по экономическим мотивам, надеясь на более комфортную жизнь за рубежом в плане лучшего благосостояния. Во-вторых, среди казаков в качестве побудительной силы остаться за пределами родины большую роль играли репрессии на уровне геноцида, которые в свое время затронули практически каждую казачью семью. Память об этих репрессиях, с одной стороны, пробуждала ненависть к советской власти, с другой – заставляла именно казаков наиболее сильно опасаться новой волны подобных репрессий. Хотя, как показывает анализ некоторых источников, порой опасение репрессий и ненависть к советской власти были не истинной причиной, а лишь внешним обоснованием решения покинуть родину и искать лучшей жизни за рубежом. Были и такие казаки, которые принимали решение об эмиграции, исходя из солидарности с родными и близкими, не имея других убедительных обоснований подобного шага.

В то же время состав казачьего зарубежья изменился и в связи с тем, что во время послевоенной репатриации проводились и принудительные выдачи части людей в СССР. В первую очередь это коснулось как раз казаков-эмигрантов из числа представителей белой эмиграции. Основная масса казаков была передана британским военным командованием советскому военному командованию в начале июня 1945 г. Данные события получили среди казачьего зарубежья известность как «Лиенцевская трагедия».

Скорая выдача англичанами казаков была отчасти обусловлена тем, что союзники опасались вооруженного конфликта в данном регионе в связи с настойчивыми требованиями Б. Тито (поддержанными И. Сталиным) своей доли в оккупации Австрии и сопровождавшими их угрозами. Союзники явно не хотели, чтобы в случае конфликта в этом регионе размещались большие контингенты еще боеспособных соединений [11, с. 35]. Поэтому англичане довольно быстро приняли решение о передаче СССР большинства казаков, входивших в состав Казачьего Стана и 15-го кавалерийского корпуса СС. При этом быстрота передачи обусловила тот факт, что были переданы не только бывшие советские граждане, но и представители белой эмиграции. Более того, были переданы и часть казаков, имевших к этому времени гражданство Германии, Югославии, Болгарии и других государств. Вместе с тем британцами было принято решение не передавать солдат и офицеров, входящих в Русский охранный корпус, в котором также было некоторое количество представителей казачества. Почти два года казаки корпуса просидели в британском лагере и впоследствии переехали в другие государства, преимущественно в Аргентину, Австралию и Канаду [11, с. 34].

Некоторым казакам удалось избежать выдачи в силу разных причин. Кто-то незаметно сумел уйти из лагеря. Некоторых спасли местные жители. Иногда помощь оказывали и солдаты союзнических армий.

Случаи насильственной выдачи имели место не только на Западе, но и на Востоке, в Китае. В то же время согласимся с А.В. Антошиным в том, что «не следует преувеличивать насильственный характер репатриации представителей российской диаспоры в Китае» [12, с. 73]. Действительно, большая часть российских эмигрантов, среди них также были и представители казачества, вернулись в СССР добровольно. Добровольному возвращению на родину способствовали отчасти особенности советской политики в отношении репатриации российских граждан из Китая, а также позиция, занятая китайским руководством. Учитывая, что Чан Кайши не собирался выдавать российских эмигрантов помимо их воли, в октябре 1945 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому всем эмигрантам, жившим в Китае, давалась возможность беспрепятственного возвращения на родину [13, с. 115-116]. Этим указом не преминули воспользоваться многие эмигранты, особенно, когда в значительной степени ухудшилось их социально-экономическое положение в стране.

Как и в целом российские эмигранты (советские, а также большинство эмигрантов с наноновскими паспортами), казаки были размещены в лагерях для перемещенных лиц. Создание лагерей для перемещенных лиц было вызвано необходимостью в определенной степени положить конец неконтролируемой миграции населения по территории Германии и ее сателлитов, а также для организованного оказания помощи мигрантам. Судя по всему, после проведения определенной фильтрации по выявлению нацистов и их пособников пребывание в большинстве лагерей было добровольным. Поэтому одни казаки предпочитали гарантированный кров, пищу и работу и оставались в лагерях, другие уходили на вольные хлеба, хотя зачастую и располагались рядом с лагерями и поддерживали связь с теми, кто находился в них.

Казаки, находившиеся как в лагерях для перемещенных лиц, так и в целом в Европе, старались выехать в государства, располагавшиеся за пределами евразийского континента.

Наиболее привлекательными для иммиграции после Второй мировой войны являлись США. Переезд туда значительного числа эмигрантов был ограничен преимущественно иммиграционными законами США и регулировался различными квотами. Судя по требованиям, предъявляемым к эмигрантам, основными критериями были: лояльность к американскому правительству и американской внешней и внутренней политике, а также желание и возможность работать на благо американского общества.

Представителями «старой» послереволюционной эмиграции в апреле 1946 г. был создан Комитет содействия иммиграции в США. Было много и других организаций, которые содействовали переезду в страну. Среди них были и казачьи организации, которые действовали или самостоятельно, или в тесном контакте с другими организациями, обществами и комитетами.

Очень часто решение о переезде в ту или иную страну принималось не на основании условий пребывания в данной стране (в силу того, что иногда не было достоверной информации), а на стремлении как можно раньше и как можно дальше вырваться из Европы. Точнее, не из Европы, а подальше от влияния СССР.

Отчасти принятию решения о переселении способствовала и иммиграционная политика того или иного государства. Так, лейбористское правительство Австралии в 1945 г. провозгласило плановую иммиграционную политику. С этой целью было создано Федеральное министерство иммиграции. И хотя предпочтение отдавалось выходцам из Великобритании и государств Северной Европы, принимались и иммигранты из других стран, в том числе и в рамках программы по переселению Ди-Пи. Последние брали на себя обязательство отработать в течение двух лет на тех работах, на которые их направит австралийское правительство. Чаще всего это была низкооплачиваемая работа в тяжелых климатических условиях, связанная с освоением континента и развитием его инфраструктуры. При этом австралийским правительством предусматривалось оказание им определенной финансовой помощи. Отдаленность от СССР и оказание финансовой помощи были крайне привлекательны для представителей как российской, так и советской эмиграции. Особенно много их переселилось в Австралию из Китая, что помимо всяких других условий определялось относительной географической близостью и налаженными путями сообщения между этими двумя странами. Так, в 1951–1961 гг. из Китая в Австралию прибыло около 7 тыс. русских иммигрантов, в том числе и казаков [14, с. 64–66]. Однако в эти же годы казаки выезжали в Австралию и из Европы, преимущественно из портов Италии.

Накануне и в годы Второй мировой войны востребованность и значимость русской эмиграции упала. Русский вопрос отошел не то что на второй план, а вообще практически выпал из общественно-политической жизни многих государств. После Второй мировой войны картина резко изменилась. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, востребованность русского языка в условиях, с одной стороны, роста авторитета СССР после разгрома гитлеровской Германии, с другой – приближавшейся холодной войны и потребности в тех, кто мог быть использован на новом фронте противостояния Запада и СССР. Кроме того, участие в этой борьбе щедро финансировалось, особенно со стороны Запада (в первую очередь США), и российские эмигранты, порой остро нуждавшиеся хоть в какой-нибудь материальной поддержке, охотно шли на сотрудничество. Холодная война еще более пробудила интерес к эмигрантам из СССР.

После Второй мировой войны в политическом отношении российская эмиграция была разбита примерно на те же политические группы и направления, которые существовали и до войны. Однако в количественном плане и соотношении этих групп произошли определенные изменения.

Большая часть российских и казачьих объединений, организаций и обществ после Второй мировой войны носили преимущественно социально-культурный характер и создавались прежде всего для оказания взаимопомощи, поддержки своих членов и поддержания связей и обще-

ния между ними. И если большинство казачьих организаций, объединений и обществ были таковыми и до Второй мировой войны, то в российском зарубежье в этом плане были более заметные изменения ввиду значительного сокращения политических организаций и их членов после войны.

Большинство казаков-эмигрантов в Югославии, получивших ранее югославское гражданство, были его лишены. Впоследствии многие из них вынуждены были получить советские паспорта, и после ухудшения отношений Б. Тито с И. Сталиным были высланы из страны. Интересно, что советские паспорта выдавались им только для жительства за границей и не предусматривали возвращения в СССР. Видимо, советское правительство опасалось принимать подобных граждан на родину. Часть из них попали в Триест и в дальнейшем разместились в западных государствах, вне сферы советского влияния, часть были высланы в соседние государства, находившиеся в так называемой советской зоне, – Болгарию, Венгрию, Румынию. Лишь немногим удалось остаться в Югославии. Однако судьба большинства из них была незавидна. В период конфликта между Югославией и СССР на многих из них было клеймо «советского шпиона», несмотря на то, что в большинстве они были белоэмигрантами и враждебно относились ко всему советскому [15, с. 85]. В целом казаков-эмигрантов в Югославии остались единицы, и они чаще всего предпочитали забыть на какое-то время о своем казачьем происхождении. Многие со временем женились на сербках, черногорках, и постепенно казачество растворилось в местном этносе. Примерно в таком же положении оказались казаки-эмигранты в Болгарии и Чехословакии.

На рынке труда в послевоенной Европе и ряде государств американского континента большим спросом пользовалась преимущественно неквалифицированная дешевая рабочая сила. С одной стороны, эта ситуация приводило к тому, что представители интеллигентских профессий не могли устроиться по специальности, с другой – в принципе создавала возможность найти работу всем нуждающимся. Понятно, что низкооплачиваемый труд занимал практически все время и все силы эмигрантов. В свою очередь, это было одной из причин того факта, что в послевоенном мире ни казачье, ни российское зарубежье не имело такой насыщенной общественно-политической и культурной жизни, как в довоенное время.

США одни из последних открыли свои двери перемещенным лицам. В основном это были люди, которым частные спонсоры или организации выписывали приглашения, подкрепляя их контрактами по трудоустройству. Среди них особенно большую работу по организации въезда в США проводили христианская организация протестантского толка World Church Service и Фонд А. Толстой. С помощью этих организаций в США переехало и определенное количество казаков. Кроме того, казаков приглашали как их бывшие соотечественники, обосновавшиеся ранее в США и получившие гражданство, так и Общеказачий центр.

Если основу зарубежного казачества в восточной части США составляли казаки донские и кубанские, то в западной части США преобладали представители восточных казачьих войск России (сибиряки и забайкальцы). В значительной степени это было связано с тем, что одни эмигрировали преимущественно из Европы, а другие – из Китая. При этом если среди донцов, кубанцев, терцев были как представители первой волны эмиграции, так и второй, то среди восточных казачьих войск России были преимущественно эмигранты первой волны и их потомки. Наибольшее количество казаков на востоке США размещались в Нью-Джерси, а на западе – в Калифорнии.

Казачьим центром в Калифорнии стал Сан-Франциско, в котором в 1945 г. была организована Общеказачья станица (ее организаторами выступили забайкалец И.И. Мамонтов и сибиряк Г.В. Первухин), а в 1951 г. – Общеказачий союз, объединивший семь казачьих станиц, расположенных на западном побережье США. При этом одной из задач данной организации было не просто объединение казаков и казачек, проживающих в Сан-Франциско и его окрестностях, а объединение с целью оказания помощи казакам, находившимся в Европе и на Дальнем Востоке. В частности, представители станицы сумели организовать сбор более тысячи гарантийных писем для получения соотечественниками въездных виз в США. Кроме того, для особо нуждавшихся собирались и денежные средства для оплаты переезда. С этой целью Общеказачья станица вошла в Федерацию благотворительных организаций Сан-Франциско [16, с. 96-97].

Часть казаков-эмигрантов второй волны вступали в казачьи общества, созданные казаками за рубежом еще в 1920–1930-е гг. Однако некоторые казаки организовывали новые объединения, чаще всего в виде тех же станиц и хуторов. Показательным является создание казачьего хутора в Глендоре (Калифорния, США). В 1950 г. около 120 казаков, прибыв из Европы, устроились недалеко от Лос-Анджелеса на цитрусовых плантациях, занимаясь сбором апельсинов.

Работа, не требовавшая специальных знаний, однако предполагавшая некоторую сноровку и рассчитанная на крепких здоровых людей. Организацией переезда этой группы из Европы в США занимались преимущественно организации церковного характера. С окончанием контракта многие казаки довольно быстро нашли другую работу. Преимущественно это были или дети казаков первой волны, родившиеся и выросшие в эмиграции, или бывшие военнослужащие Красной Армии, перешедшие на сторону немцев и оставшиеся за рубежом. Молодым казакам было проще найти работу и в плане своих физических возможностей, и в силу более легкого освоения основ разговорного английского языка. Однако почти 25% казаков были в возрасте около 50 лет. Им было сложнее как найти работу, так и в целом адаптироваться в незнакомой, порой чуждой, среде. Казаки организовали хутор, зарегистрировав его как общество взаимопомощи. Эта форма организации не только освобождала от налогов, но и облегчала, по американскому законодательству, получение кредитов, займов. Хуторяне приобрели около восьми гектаров заброшенной земли, расчистили и частично засеяли под кукурузу и картофель. На другой части земли был построен большой общественный дом с часовой, дома казаков, а также организован детский лагерь для детей эмигрантов из России, преимущественно казаков. В течение двух лет были проведены газ, вода, электричество и хутор получил статус поселения. Со временем помимо детского лагеря казаки организовали практику для иностранных студентов, желавших совершенствовать знания русского языка и приобщиться к казачьей культуре, проживая в казачьих семьях. Интересно, что до настоящего времени на хуторе в Глендоре имеется Казачья площадь и улица Святого Владимира, а также памятник, поставленный казаками в память о своих предках, погибших в боях или репрессированных [17, с. 117–118]. В целом история создания данного хутора является типичной для обустройства казаков-эмигрантов второй волны в США, включая организацию переезда за океан с помощью различных церковных и благотворительных организаций.

Часть казаков остались в Европе, но при этом старались максимально дистанцироваться от зоны влияния СССР. В отличие от первой волны эмиграции вторая волна довольно плотно заселила Великобританию [18].

Исход российских эмигрантов из Китая был предопределен победой китайских коммунистов в гражданской войне в конце 1940-х гг. [12, с. 73]. При этом зачастую основной путь российских эмигрантов, бежавших от «коммунистической заразы», пролегал с севера на юг по маршруту: Мукден–Пекин–Тяньцзинь–Шанхай. Большая их часть выезжала в другие страны мира именно из Шанхая – крупнейшего порта Китая.

Отметим, что наиболее резко ситуация в Китае изменилась с образованием осенью 1949 г. КНР и приходом к власти коммунистов. Стоит также сказать, что в целом революционные перемены в Китае 1947–1949 гг. не изменили кардинально положение казаков в этой стране. Китайцы первое время практически всех русских называли старшими братьями и не делали особой разницы между русскими из России и русскими из СССР. Такое отношение к российским эмигрантам сохранялось примерно до смерти Сталина и последовавшего вскоре XX съезда КПСС с последующим охлаждением во взаимоотношениях между СССР и Китаем. Эти изменения привели к тому, что значительная часть китайцев, вдохновляемая идеями Мао, стали считать изменения в СССР отходом от правильной линии. Обвинения в этом легли в том числе и на все русскоязычное население КНР. Особенно агрессивно вела себя китайская молодежь. Изменилась и политика китайского правительства. Стали закрываться русские школы и учреждения, русскоязычное население Китая увольняли с различных предприятий. Все это также стало фактором, вызвавшим оставление страны казаками вместе с другими представителями российской диаспоры в Китае. Часть российских эмигрантов приняли решение о репатриации. Этому способствовали и развернувшаяся в СССР кампания по освоению целины и политика китайского правительства, которое первоначально не охотно выдавало визы на выезд из страны в другие страны за исключением СССР. Кроме того, выезжавшие в другие государства должны были все свое имущество жертвовать китайскому правительству, в то время как возвращавшимся в СССР разрешалось его продать. К середине 1960-х гг. практически все русскоязычное население, включая казачество, покинуло Китай [19, с. 119–120].

Большинство казаков, отказавшихся от репатриации, переехали в Австралию. Здесь, как и во многих других странах своего пребывания, казаки младшего поколения, потомки эмигрантов первой волны, многие из которых родились уже в эмиграции, сравнительно легче, чем старшее поколение, адаптировались к новым условиям.

В Австралии произошла встреча казаков, прибывших из Китая, с казаками, прибывшими из Европы. Последние в большинстве своем представляли вторую волну казачьей эмиграции,

покинувшей СССР в годы Второй мировой войны. Кроме того, в Австралии к прибытию обеих групп уже располагались казаки первой волны эмиграции, прибывшие на австралийский континент еще в 1920-е гг.

Большинство казачьих организаций, как, впрочем, и общероссийских, ставили основной целью своей деятельности за рубежом благотворительность, оказание помощи своим членам, попавшим в трудные материальные условия существования. Это было одной из причин появления множества новых казачьих объединений сразу после окончания Второй мировой войны. Другой причиной объединения казаков за рубежом являлось стремление к общению, которое порой было очень сложным в инородной, иноязычной среде.

Часть казачества по-прежнему дистанцировалась от вступления в различные общероссийские эмигрантские организации. Но были и те (преимущественно среди представителей послевоенной эмиграции), которые вступали в разнообразные объединения и общества как политического, так и не политического характера.

Казаки новой эмиграции были в основном представлены противниками советской власти, и некоторые из них так же, как и представители белой эмиграции, рассматривали войну с СССР как продолжение гражданской войны. Это в определенной степени облегчало их адаптацию в новых условиях, позволяя рассчитывать на поддержку и связи казаков-эмигрантов первой волны. Однако последние первоначально не всегда охотно шли на подобную помощь, видя в большинстве эмигрантов второй волны представителей коммунистической России, пусть и порвавших с ней в годы Второй мировой войны.

Как верно отметил А.В. Антошин со ссылкой на Ю. Денике, многие представители послевоенной эмиграции были «особенно подозрительны или прямо враждебны по отношению к социализму. И это очень естественно уже потому, что для них социализмом было то, что они имели в Советской России и от чего они теперь спаслись» [20, с. 113]. И в этом плане они, вроде, могли рассматриваться как естественный союзник эмигрантов первой волны и их потомков. Особенно близки своими антисоветскими взглядами они были казакам-эмигрантам, так как среди них социалистические идеи были особенно непопулярны (по крайней мере, среди тех, кто остался за рубежом). В то же время данная близость взглядов не всегда и не сразу приводила к сближению в совместных действиях. Это было обусловлено целым комплексом причин. Одна из причин заключалась в том, что в целом социальный состав активной части эмигрантов первой волны и эмигрантов второй волны был различен. Так, например, «большая часть военных эмигрантов "второй волны" имела низший образовательный ценз, происходила из социальных категорий крестьян, рабочих и советских служащих, не являясь носителями традиционной российской культуры, а во многих случаях даже была настроена враждебно по отношению к "белой эмиграции"» [21, с. 141].

На «наличие глубоких ментальных и культурно-политических противоречий» между военной эмиграцией первой волны и эмигрантами второй волны обратил внимание в частности В.Ф. Ершов. По его мнению, данные противоречия стали одной из причин раскола «зарубежного военно-оппозиционного движения», развития «центробежных тенденций внутри военной диаспоры» и «одним из факторов политической деградации российского военного зарубежья в 1950–1980-е гг.» [21, с. 136–137]. Подобного рода социально-политические (в плане взглядов) и психологические противоречия были характерны и для казачьей эмиграции. Они порой также стимулировали внутри нее недоверие, противостояние, а зачастую и открытую вражду и борьбу. В то же время казачья эмиграция испытывала и влияние факторов, которые, напротив, способствовали сближению представителей первой и второй волны эмиграции. И в первую очередь это осознание своей сопричастности (исторической, культурной, порой этнической) к единой общности – казачеству и, как следствие, стремление к единению на основе этой сопричастности, а также на основе некоторых проектов в отношении будущего казачества и казачьих краев и областей.

Для многих белых эмигрантов, в том числе казаков, Запад не всегда воспринимался как союзник. У них в памяти были и поведение некоторых представителей держав Антанты в годы Гражданской войны в России и в первые годы эмиграции. Более того, казаки не могли забыть ту роль, которую сыграли США и в первую очередь Великобритания в выдаче казаков в Лиенце, да и в ряде других мест. Это послужило причиной того, что казачество (его политически активная часть) дистанцировалось от участия в некоторых антисоветских организациях, финансировавшихся представителями Запада. Вместе с тем именно то обстоятельство, что порой это было единственным способом получить признание среди западных политических деятелей и, соответственно, материальную подпитку, определяло, что это дистанцирование было непостоян-

ным и не твердым. Данная позиция была характерна не только для казаков, но и для ряда других представителей русской эмиграции, в первую очередь монархистов. Как верно заметил А.В. Антошин, «двойственность позиции российской монархической эмиграции состояла в том, что, нередко критикуя Запад, они вынуждены были искать у него помощи в борьбе против коммунистического режима. Только Запад обладал значительными финансовыми ресурсами...» [22, с. 94].

В условиях распада антигитлеровской коалиции и обострения международных отношений после Второй мировой войны, проявившегося, в частности, в Берлинском кризисе 1948–1949 гг. и войне в Корее 1950–1953 гг., возродились чаяния российских эмигрантов на развязывание борьбы Запада с СССР и последующее свержение советского строя. Более того, часть российской эмиграции пытались всячески подтолкнуть Запад к конфликту с СССР и были очень недовольны, когда в отношениях СССР с западными государствами наблюдалось некоторое снятие напряженности. Данная позиция была характерна и для части казаков-эмигрантов и их потомков. Однако надежды на продолжение активной борьбы с СССР постепенно растаяли.

Как верно отметил В.Ф. Ершов, различные воинские объединения российских эмигрантов в 1960-е гг. «вступили в стадию распада и угасания» [23, с. 111]. Это было характерно и для ряда казачьих воинских объединений. Например, Союз казаков-комбатантов в Париже уже в 1950-е гг. с трудом организовывал собрания своих членов [8, с. 85]. В то же время казачьи общества и организации, образованные не по воинскому, а по войсковому признаку, имели еще надежду на выживание, так как часть казачьей молодежи вступали в них, хотя, конечно, и не в значительном количестве. Многие казачьи организации и общества ставили в качестве своих основных целей и задач оказание благотворительной помощи и материальной поддержки своим членам, а также создание условий для общения казаков между собой. Последнее было порой не менее важным, что находило подтверждение во многочисленных письмах казаков. Трансформировались и казачьи организации, образованные по признаку принадлежности к той или иной воинской части. Основной упор их деятельности также делается на благотворительность, собирание и сохранение материалов исторического характера (прежде всего, связанного с историей данной воинской части) и, конечно же, поддержание общения между их членами.

Таким образом, являясь составной частью российского зарубежья, казачество после Второй мировой войны прошло тот же путь, что и другие российские эмигранты, но с определенными особенностями, обусловленными различными факторами как объективного, так и субъективного происхождения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ратушняк О.В. История казачьего зарубежья в российской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 4 (36). – С. 119-127.
2. Ратушняк О.В., Верардо Ф. Казачья эмиграция в годы Второй мировой войны в зарубежной историографии // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 142-145.
3. Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из европейской и азиатской частей России и ее последствия (1920–1945 гг.). – М., 2009.
4. Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. – 246 с.
5. Худобородов А.Л. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции. – Челябинск, 1996. – 112 с.
6. Ратушняк О.В. Адаптация казаков-эмигрантов к жизни в зарубежье (1920–1960-е гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 6. Ч. 2. – С. 156-158.
7. Ратушняк О.В. Участие казачества во Второй мировой войне на стороне Германии // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 3. – С. 125-129.
8. Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х. – Екатеринбург, 2008. – 659 с.
9. Земсков В.Н. Репатриация и вторая волна эмиграции // Родина. – 1991. – № 6-7. – С. 111.
10. Медынский А.И. Воспоминания // Мемуары власовцев. – М., 2011. – С. 131-183.
11. Кудряшов С. На Голгофу со свастикой? Казачьи истерии по поводу послевоенной репатриации // Родина. – 2005. – № 9. – С. 31-35.
12. Антошин А.В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. – М.-СПб., 2014. – 376 с.
13. Охендушко С.С. Русское зарубежье в 1920–1953 гг. – Тула, 2008. – 148 с.
14. Леперванш М. Иммиграция в Австралию в 1947–1979 гг. // Советская этнография. – 1981. – № 4. – С. 63-82.
15. Косик В. Столица одиночества. Русские изгнанники в югославской столице // Родина. – 2006. – № 4. – С. 81-85.
16. Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния... Ч. 2. Русские в Японии, Америке и Австралии. – Владивосток, 2000. – 172 с.

17. Улитин В.Г. Казачий хутор в Калифорнии... // Улитин В.Г. За Курганом... Очерки, статьи. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 117-119.
18. Ратушняк О.В. Казаки в Англии в 1920-е – 1970-е гг. // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 3. – С. 97-99
19. Райан Н.В. Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, проживавшей XX век вне России. – М., 2005. – 208 с.
20. Антошин А.В. Меншевики в эмиграции после Второй мировой войны // Отечественная история. – 2007. – № 1. – С. 102-115.
21. Ершов В.Ф. Российское военное зарубежье в 1945–1980-е гг.: стагнация и угасание // История российской эмиграции из СССР – России 1941–2001 гг. Сб. ст. – М., 2007. – С. 134-143.
22. Антошин А.В. Российская эмиграция и апогей «холодной войны» // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941–2001 гг. Сб. ст. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 92-102.
23. Ершов В.Ф. Эволюция военной диаспоры в 1920–1970-е гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – XX вв. – М., 2001.

REFERENCES

1. Ratushnyak O.V. Istorija kazach'ego zarubezh'ja v rossijskoj istoriografii [The history of the Cossack abroad in Russian historiography]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. - Vestnik of Tomsk State University. History. 2015. no 4 (36). Pp. 119-127. (in Russ.).
2. Ratushnyak O.V., Verardo F. Kazach'ja jemigracija v gody Vtoroj mirovoj vojny v zarubezhnoj istoriografii. [Cossack emigration in the years of the Second World War in foreign historiography]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija - Theory and practice of social development. 2015. no. 19. Pp. 142-145. (in Russ.).
3. Penkovskiy D.D. Jemigracija kazachestva iz evropejskoj i aziatskoj chastej Rossii i ee posledstvija (1920-1945 gg.). [The Emigration of Cossacks from the European and Asian parts of Russia and its consequences (1920-1945)]. M. 2009. (in Russ.).
4. Ratushnyak O.V. Kazachestvo v jemigracii (1920-1945 gg.). [The Cossacks in emigration (1920-1945)]. Krasnodar: Kuban State University. 2013. P. 246. (in Russ.).
5. Hudoborodov A.L. Vdali ot rodiny: rossijskie kazaki v jemigracii. [Away from the Motherland: Russian Cossacks in exile]. Cheljabinsk. 1996. P. 112. (in Russ.).
6. Ratushnyak O.V. Adaptacija kazakov-jemigrantov k zhizni v zarubezh'e (1920–1960-e gg.). [The Adaptation of the Cossacks-Immigrants to life abroad (1920-1960)]. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' - Historical and Socio-Educational Ideas. 2014. no. 6, part 2. Pp. 156-158. (in Russ.).
7. Ratushnyak O.V. Uchastie kazachestva vo vtoroj mirovoj vojne na storone Germanii. [The Participation of the Cossacks in the Second World War on Germany's side]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija - Theory and practice of social development. 2013. no. 3. Pp. 125-129. (in Russ.).
8. Antoshin A.V. Rossijskie jemigranty v uslovijah «holodnoj vojny» (seredina 1940-h – seredina 1960-h. [Russian Emigrants in terms of "Cold War" (mid. 1940s – mid. 1960s)]. Ekaterinburg. 2008. 659 p. (in Russ.).
9. Zemskov V.N. Repatriacija i vtoraja volna jemigracii. [Repatriation and the Second Wave of Emigration]. Rodina - Homeland. 1991. no. 6-7. P. 111. (in Russ.).
10. Medynsky A.I. Memories. Memoirs of Vlasovci. M. 2011. Pp. 131-183. (in Russ.).
11. Kudryashov S. Na Golgofu so svastikoj? Kazach'i isterii po povodu poslevoennoj repatriacii. [On the Calvary with swastika? Cossack hysteria about the postwar repatriation of the Black Sea] Rodina – Homeland. 2005. no. 9. Pp. 31-35. (in Russ.).
12. Antoshin A.V. . [Na frontah vtoroj mirovoj i «holodnoj» vojn: russkie jemigranty v 1939 – nachale 1950-h gg. [On the fronts of the Second World and Cold Wars: Russian emigrants in 1939 – the early 1950-s]. M., SPb., 2014. 376 p. (in Russ.).
13. Okhendushko S.S. Russkoe zarubezh'e v 1920-1953 gg. [The Russian Diaspora in 1920-1953]. Tula. 2008. 148 p. (in Russ.).
14. Lepervanche M. Immigracija v Avstraliju v 1947-1979 gg. [Immigration to Australia in the years 1947-1979]. Sovetskaja jetnografija - Soviet Ethnography. 1981. no. 4. Pp. 63-82. (in Russ.).
15. Kosik V. Stolica odinochestva. Russkie izgnanniki v Jugoslavskoj stolice. [The Capital of aloneness. The Russian exiles in the Yugoslav capital]. Rodina - Homeland. 2006. no. 4. Pp. 81-85. (in Russ.).
16. Khisamutdinov A.A. Po stranam rassejanija... Ch. 2. Russkie v Japonii, Amerike i Avstralii. [Over the countries of the scattering... Part 2. Russians in Japan, America and Australia]. Vladivostok, 2000. 172 p. (in Russ.).
17. Ulitin V.G. Kazachij hutor v Kalifornii [Kazachiy Khutor in California]. Ulitin V.G. Za Kurганом... Oчерki, stat'i. Rostov-na-D. - Ulitin V.G. Over the Mound... Essays, articles. Rostov-on-D., 2000. Pp. 117-119. (in Russ.).
18. Ratushnyak O.V. Kazaki v Anglii v 1920-e – 1970-e gg. [The Cossacks in England in the 1920s – 1970s]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija - Theory and practice of social development. 2015. no. 3. Pp. 97-99. (in Russ.).
19. Ryan N.V. Rossijskaja – Harbin – Avstralija: Sohranenie i utrata jazyka na primere russkoj diaspor, prozhivavshej XX vek vne Rossii. [Russia – Harbin – Australia: the Preservation and loss of language on the example of the Russian Diaspora, living in the twentieth century outside of Russia]. M. 2005. 208 p. (in Russ.).
20. Antoshin A.V. Men'sheviki v jemigracii posle Vtoroj mirovoj vojny. [The Mensheviks in exile after the Second World War]. Otechestvennaja istorija - Russian history. 2007. no. 1. Pp. 102-115. (in Russ.).
21. Ershov V.F. Rossijskoe voennoe zarubezh'e v 1945-1980-e gg.: stagnacija i ugasanie [Russian military countries abroad in 1945-1980-ies: stagnation and the fading]. Istorija rossijskoj jemigracii iz SSSR – Rossii 1941-2001 gg. -

- The History of the Russian emigration from the USSR – Russia. SB 1941-2001. St. M., 2007. Pp. 134-143. (in Russ.).
22. Antoshin A.V. Rossijskaja jemigracija i apogej «holodnoj vojny». [Russian emigration and the apogee of the Cold War]. Istorija rossijskogo zarubezh'ja. Jemigracija iz SSSR-Rossii 1941-2001 gg. - Russian History abroad. Emigration from the Soviet Union-Russia 1941-2001. Collection of articles. M. IRI RAN. 2007. Pp. 92-102. (in Russ.).
23. Ershov V.F. Jevoljucija voennoj diaspory v 1920-1970-e gg. [Evolution of the military Diaspora, 1920-1970-ies]. Nacional'nye diaspory v Rossii i za rubezhom v XIX - National Diaspora in Russia and abroad in the XIX–XX centuries, M. 2001. (in Russ.).

Информация об авторе

Ратушняк Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра новой, новейшей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
oleg_ratushnyak@mail.ru

Получена: 16.06.2016

Для цитирования статьи: Ратушняк О.В. Казачье зарубежье в 1945–1960-х гг. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 3. Часть 2. с. 59-68.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-59-68.

Information about the author

Oleg V. Ratushnyak, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia
oleg_ratushnyak@mail.ru

Received: 16.06.2016

For article citation: Ratushnyak O.V. Kazach'e zarubezh'e v 1945–1960-kh gg. [The Cossack emigre in 1945 – 1960.]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol. 8. no. 3. Part. 2. Pp. 59-68.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-59-68. (in Russian)